церковной культуры (т. е. вообще культуры) позднего средневековья.

9) Разночтения, даже ошибочные, могут быть значительно более древними, чем содержащие их рукописи, даже если можно доказать, что эти последние все восходят к одному, пусть даже средневековому, архетипу. Средневековые архетипы могут содержать чередующиеся разночтения, как это бывает с папирусами, и в таком случае должны рассматриваться как сосуды с собранием таких разночтений. Разночтения могут, как мы видели, также проникнуть в отдельные копии с архетипа при сличении их с не зависящими от него рукописями. Все же более обычным является уже рассмотренный случай, когда родственные группы средневековых рукописей больше следуют изданиям античных текстов (или портят их).

10) Папирусы для греческой традиции, античные ссылки для латинской показывают, что уже в древности в отношении много читаемых авторов каждый экземпляр представлял своего рода отдельную публикацию, т. е. сочетание каждый раз по-другому расположенных предшествующих разночтений, подлинных и ошибочных. Уже в древности начался процесс порчи, уравнивания между различными традициями, процесс, который иногда приводит к созданию какой-нибудь «вульгаты». Эти обстоятельства объясняют, почему папирусы, которые в одном случае восстанавливают подлинное, затемненное в средневековых традициях прочтение, потом совпадают с его ветвями и ответвлениями в отдельных искажениях.

11) Но если для греческой традиции эти примеры архетипов, принадлежащих еще древности, не являются несомненными, то для латинской традиции, как кажется, такие архетипы отрицать нельзя. Они будут принадлежать годам, которые непосредственно следуют за периодом одновременно и наиболее бурным и наиболее жалким императорской эпохи, именно между падением Северов и основанием деспотии, 235—284.

12) Изучение древних свидетельств и немногих папирусных автографов, анализ исторических сочинений (или содержащих исторические данные), сохранившихся в разной форме в различных рукописях, аналогия средневековых текстов, для которых у нас имеется традиция, современная их авторам, особенно тексты Петрарки и Боккачио, делают законной гипотезу, что разночтения, самые яркие по своей природе (очень интересную группу составляют разночтения собственных имен, подлинных или фиктивных), в античных сочинениях также могут быть возведены к самим авторам. Эта гипотеза в некоторых случаях может быть доказана неукоснительно.

Таковы двенадцать «заповедей», в которых Паскуали кратко изложил свои взгляды на критическое изучение текстов древних авторов. Нетрудно заметить, что в основном он стремится доказать порочность метода Лахманна, противопоставляя ему необходимость изучения всех сохранившихся разночтений и категорически отрицая возведение рукописи к одному единственному архетипу. Особенно важным, как он подчеркивает дальше в предисловии, Паскуали считает возможность существования разночтений, принадлежащих самому автору, т. е. наличие разных вариантов авторских рукописей, что в отношении древних авторов почему-то часто не считали нужным принимать во внимание. По-видимому, давно уже устаревший метод Лахманна все же находил себе приверженцев среди исследователей зарубежных стран в первой половине нашего века, поскольку в книге,